

Глава VIII. Кредит против сокровищ и циклы истории

“ Слиток металла — это инструмент войны, а не мирной торговли.

Джеффри У. Гардинер

Может возникнуть вопрос: если наши представления о политике и праве действительно основаны на логике рабства, как же тогда рабство удалось уничтожить? Конечно, циник мог бы сказать, что мы его не уничтожили, а просто назвали по-другому. Он был бы прав в том смысле, что древние греки наверняка сочли бы различие между рабом и отягощенным долгами наемным работником в лучшем случае правовой тонкостью...[441] Однако даже уничтожение формальной системы рабского труда следует считать заметным достижением, и важно понять, как оно протекало. Особенно если учесть, что происходило это не единожды. На самом деле, если обратиться к историческим фактам, по-настоящему примечательно то, что рабство уничтожалось — или фактически уничтожалось — много раз.

В Европе, например, этот институт исчез в столетия, последовавшие за крушением Римской империи, — это историческое достижение редко признают те из нас, кто привык считать эту эпоху началом «темных веков»[442]. Никто точно не знает, как это произошло. Большинство соглашается с тем, что процесс отмены рабства был связан с распространением христианства, которое, впрочем, не могло быть прямой причиной, поскольку церковь никогда открыто против рабства не выступала, а во многих случаях даже защищала его. Отмена рабства, по-видимому, произошла вопреки мнению интеллектуалов и политических властей той поры. Однако это случилось и имело долговременные последствия. В народе рабство ненавидели так сильно, что даже тысячу лет спустя европейские купцы, начавшие возрождать работорговлю, обнаружили, что их соотечественники не были готовы мириться с рабовладением в своих странах, — это стало одной из причин, почему плантаторам пришлось покупать невольников в Африке и устраивать плантации в Новом мире[443]. Один из главных парадоксов истории заключается в том, что современный расизм — возможно, самое большое зло последних двух столетий — был изобретен во многом потому, что европейцы отказывались внимать доводам интеллектуалов и юристов и не соглашались с мыслью о том, что люди, которых они считали полноценными и равными себе, могли быть обращены в рабство на законных основаниях.

Более того, упадок древнего рабства не ограничивался лишь Европой. Приблизительно в ту же эпоху — около 600 года н. э. — мы обнаруживаем то же самое в Индии и в Китае, где в течение нескольких веков, в условиях волнений и смут, система рабского труда сошла на нет. Все это подсказывает, что моменты исторических возможностей, то есть моменты,

когда могут произойти значительные перемены, явно следуют циклической модели, которая в географическом пространстве действовала намного более синхронно, чем это можно было бы представить. Только поняв схему, действовавшую в прошлом, мы сможем осознать те исторические возможности, которые имеются в настоящем.

***

Эти циклы проще всего выявить, еще раз обратившись к феномену, который мы рассматриваем на страницах этой книги: к истории денег, долга и кредита. Когда мы начинаем проследивать историю денег в Евразии в последние пять тысяч лет, нашему взору открываются удивительные модели. В случае денег одно событие превосходит по значимости все остальные — это изобретение монет. Их стали чеканить независимо в трех разных местах более или менее в одно и то же время: на Великой китайской равнине, в долине реки Ганг в Северо-Восточной Индии и на берегах Эгейского моря приблизительно между 600 и 500 годом до н. э. Появление монет не было обусловлено каким-то внезапным технологическим прорывом: первые технологии изготовления монет полностью отличались друг от друга^[444]. Это была социальная перемена. Почему это произошло именно так, остается исторической загадкой. Но мы точно знаем, что по каким-то причинам в Лидии, Индии и Китае местные правители решили, что их государства уже не могли довольствоваться кредитными системами, какими бы древними они ни были. Пустив в обращение драгоценные металлы, которые прежде использовались в основном в международной торговле в виде слитков, они стали побуждать своих подданных использовать небольшие металлические кусочки для совершения повседневных сделок.

Постепенно новшество стало распространяться. В последующее тысячелетие государства повсюду стали чеканить собственную монету. Однако около 600 года, как раз когда рабство стало исчезать, тенденция вдруг обратилась вспять. Наличие иссякло. Повсюду произошло возвращение к кредиту.

Если мы взглянем на историю Евразии в последние пять тысяч лет, то обнаружим постоянное чередование периодов, когда доминировали кредитные деньги, и периодов, когда преобладали золото и серебро, то есть когда значительная часть сделок осуществлялась посредством перехода кусочков драгоценного металла из рук в руки.

Почему? Определяющим фактором здесь является война. Монеты преобладают прежде всего тогда, когда царит насилие. На то есть одна очень простая причина. Золотые и серебряные монеты отличаются от кредитных соглашений одной специфической чертой: их можно украсть. Долг — это по определению запись, он основан на отношениях доверия. Вместе с тем человек, принимающий золото или серебро в обмен на товар, должен доверять лишь точности весов, качеству металла и вероятности того, что кто-то еще захочет их принимать. В мире, где повсюду царят война и насилие, — а именно так выглядели Китай в период Сражающихся царств, Греция железного века и Индия перед созданием империи Маурьев — упрощение сделок приносит очевидную выгоду. Это тем более справедливо, когда имеешь дело с солдатами. С одной стороны, солдаты получают добычу, значительная часть которой состоит из золота и серебра, и всегда пытаются обменять ее на вещи,

делающие жизнь приятнее. С другой стороны, тяжеловооруженный солдат, постоянно находящийся в походах, — само воплощение высокого кредитного риска. Меновая торговля, столь дорогая экономистам, выглядит абсурдом, когда дело касается сделок между соседями, живущими в небольшой сельской общине, но приобретает смысл, как только речь заходит о сделках между жителем этой деревни и проходящим через нее наемником.

На протяжении большей части истории слитки золота или серебра, штампованные или нет, выполняли ту же роль, что и чемодан современного наркодилера, набитый немечеными банкнотами: это предмет, не имеющий истории и ценный потому, что его владелец знает, что его примут в обмен на другие предметы везде и без лишних вопросов. В итоге кредитные системы преобладают в периоды относительного социального мира или в сетях доверия (которые могут создаваться государствами или — чаще — транснациональными институтами вроде купеческих гильдий или религиозных общин), а в периоды войн и грабежей им на смену приходят драгоценные металлы. Более того, хотя хищническое кредитование имеет место во всех исторических эпохах, вызванные им долговые кризисы приводят к наиболее тяжелым последствиям тогда, когда деньги проще всего конвертировать в наличность.

Чтобы выявить тенденции, определяющие текущий исторический момент, я позволю себе предложить следующее деление истории Евразии на основе чередования периодов виртуальных и металлических денег. Цикл начинается с Эпохи первых аграрных империй (3500–800 годы до н. э.), когда преобладали виртуальные кредитные деньги. За ней последовала Осевая эпоха (800 год до н. э. — 600 год), когда появилась чеканка монет и произошел переход к металлическим деньгам; о ней речь пойдет в следующей главе. Средние века (600–1450 годы), ставшие временем возвращения к виртуальным кредитным деньгам, будут рассмотрены в десятой главе; одиннадцатая глава будет посвящена очередному витку цикла, Эпохе капиталистических империй, которая, начавшись около 1450 года, привела к переходу всей планеты к золотым и серебряным деньгам и завершилась лишь в 1971 году, когда Ричард Никсон заявил о прекращении обмена долларов США на золото. Это событие положило начало новой стадии виртуальных денег, очертания которой пока еще не ясны. В двенадцатой, и последней, главе на основании уроков истории мы попытаемся понять, что это может означать и какие возможности нам открывает новая эпоха.

Месопотамия (3500–800 годы до н. э.)

Нам уже доводилось отмечать преобладание кредитных денег в Месопотамии, самой ранней известной нам городской цивилизации. В крупных храмовых и дворцовых комплексах деньги скорее использовались как мера учета, а не переходили из рук в руки, а купцы и торговцы развивали собственные виды кредитных соглашений. В основном они облекались в форму глиняных табличек, на которых записывались обязательства о будущих платежах. Таблички помещались в глиняные конверты, на которые заемщик ставил свою печать. Кредитор оставлял у себя конверт в качестве обеспечения и разбивал его в момент возвращения займа. Иногда эти буллы превращались в то, что мы назвали бы обратным документом, поскольку табличка в конверте не просто фиксировала обещание заплатить

первоначальному заимодавцу, но и была выписана «на предъявителя» — иными словами, табличка, на которой был записан долг размером в пять сиклей серебра (при существующих процентных ставках), могла служить эквивалентом простого векселя на пять сиклей — то есть денег[445].

Мы не знаем, насколько часто это происходило, через сколько рук обычно проходили такие таблички, сколько сделок было основано на кредите, как часто купцы действительно отвешивали куски серебра для покупки или продажи своего товара и в каких случаях они обычно это делали. Безусловно, с течением времени всё это менялось. Простые векселя, как правило, имели хождение в купеческих гильдиях или среди жителей относительно благополучных городских кварталов, где все достаточно хорошо знали друг друга, чтобы доверять обязательствам, но не настолько, чтобы прибегать к более традиционным формам взаимопомощи[446]. Еще меньше мы знаем о рынках, на которые ходили обычные жители Месопотамии, — нам лишь известно, что держатели шинков работали в кредит, равно как и коробейники и торговцы, стоявшие за рыночными прилавками[447].

Истоки процента всегда будут неясными, поскольку он появился до изобретения письменности. Терминология, обозначающая процент в большинстве древних языков, происходит от слова «потомство», из-за чего некоторые ученые предполагали, что начало ему положило одалживание скота, однако такое понимание выглядит слишком буквальным. Скорее, первые процентные ссуды, получившие широкое распространение, были коммерческими: храмы и дворцы предоставляли товары купцам и торговым агентам, которые затем везли их на продажу в близлежащие горные края или в заморские страны[448].

Применение процентных схем на практике имеет значение, поскольку подразумевает полное отсутствие доверия. В конце концов, почему нельзя было просто потребовать свою долю в доходах? Это выглядит честнее (купец, вернувшийся разоренным, скорее всего, не будет располагать средствами для уплаты ссуды), и такое партнерство с долевым участием позднее стало широко практиковаться на Ближнем Востоке[449]. Ответ заключается в том, что партнерство с долевым участием практиковалось среди купцов или людей со схожим происхождением и жизненным опытом, которые могли следить друг за другом. У дворцовых или храмовых бюрократов было мало общего со скитающимися по свету купцами, поэтому, судя по всему, бюрократы решили, что не стоит ждать, будто купец, вернувшийся из далеких краев, станет честно рассказывать о своих приключениях. Фиксированная процентная ставка лишала смысла увлекательные сказки о кражах, кораблекрушениях или нападениях крылатых змей и слонов, которые могли сочинять купцы. Доходность определялась заранее.

Кстати, связь между займами и ложью играла в истории важную роль. Геродот писал о персах: «О том, что им запрещено делать, персы даже и не говорят. Нет для них ничего более позорного, как лгать, а затем делать долги... особенно потому, что должник, по их мнению, неизбежно должен лгать»[450]. (Ниже Геродот изложил рассказанную ему одним персом историю о происхождении золота, которое персы приобретали в Индии: они крали его у гигантских муравьев[451].) Притча Иисуса о не прощающем раба обращает всё дело в шутку («Десять тысяч талантов? Без проблем. Дай мне только немного времени»), но даже в

ней видно, как подобные бесчисленные выдумки способствовали тому, что мир, в котором нравственные отношения воспринимаются в категориях долга, порой бывает забавным, но также неизбежно является миром разврата, вины и греха.

Ко времени составления самых ранних шумерских документов этот мир, видимо, еще не наступил. Однако принцип выдачи займов под процент, даже под сложный процент, уже был знаком каждому. Например, в одной из самых ранних дошедших до нас надписей, датирующейся 2402 годом до н. э., Энметена, царь Лагаша, жалуется, что его враг, царь Уммы, захватил много сельскохозяйственных земель, которые десятилетиями принадлежали Лагашу. Он заявляет: если подсчитать рентные платежи со всех этих земель и процент с этой ренты, рассчитанный за каждый год по сложной ставке, то окажется, что Умма должна Лагашу четыре с половиной триллиона литров ячменя. Сумма, как и в притче, намеренно раздута до абсурда. Это просто был предлог для начала войны[452]. Однако царь хотел показать всем, что он точно знал, как надо вести подсчеты.

Ростовщичество, под которым понимаются процентные потребительские ссуды, ко временам Энметены уже прочно укоренилось. В конце концов царь отправился воевать и победил, а два года спустя недавний победитель был вынужден издать другой указ — о списании всех долгов в своем царстве. Как он хвастался позже, «он установил свободу (амарги) в Лагаше. Он вернул ребенку мать, а матери — ребенка; он уничтожил все проценты»[453]. Самая первая дошедшая до нас декларация такого рода — и первое появление слова «свобода» в политическом документе.

Детали в тексте Энметены не уточняются, но полвека спустя, когда его преемник Уруинумгина объявил всеобщую амнистию во время празднования Нового года в 2350 году до н. э., ее условия были четко проговорены и соответствовали той форме, которая станет типичной для такого рода амнистий: упразднились не только все невыплаченные долги, но и все формы долговой неволи, даже те, что возникли из-за неуплаты пеней и штрафов за совершенные преступления, — единственным исключением были коммерческие займы.

Подобные заявления обнаруживаются снова и снова в шумерских, а затем в вавилонских и ассирийских записях; и всякий раз они посвящены всё той же теме: восстановлению «справедливости и равенства», защите вдов и сирот, для того чтобы, как отмечал Хаммурапи, упраздняя долги в Вавилоне в 1761 году до н. э., «сильный не мог угнетать слабого»[454]. По словам Майкла Хадсона,

“ В Вавилонии поводом для списания долгов был праздник Нового года, который отмечался весной. Вавилонские правители наблюдали за ритуалом «разбивания табличек», то есть долговых записей, благодаря которому восстановление экономического баланса становилось частью календарного обновления общества вместе с остальной природой. В ознаменование этой церемонии Хаммурапи и его коллеги-правители поднимали факел, который, возможно, символизировал бога Солнца и справедливости Шамаша, чьими принципами должны были руководствоваться мудрые и честные правители. Люди, которых удерживали как обеспечение долга, освобождались и

возвращались к своим семьям. Другим должникам возвращали права на возделывание земель предков, освободив их от всех накопившихся обременений[455].

В последующие несколько тысячелетий этот перечень мер — списание долгов, уничтожение записей, возвращение земель — повсюду превратился в стандартный набор требований крестьянских восстаний. В Месопотамии правители, судя по всему, сумели устранить вероятность волнений путем проведения реформ, обретавших форму космического обновления, воссоздания социального мира, — в Вавилонии это происходило во время той же церемонии, в которой царь воспроизводил создание Мардуком мира физического. История долга и греха стиралась, и приходило время начать всё с начала. Впрочем, существовал и альтернативный путь: мир, погруженный в хаос, крестьяне, которые пополняли ряды кочевых скотоводов и затем — если упадок продолжался — возвращались в города, опустошали их и полностью уничтожали существующий экономический порядок.

Египет (2650–716 годы до н. э.)

Египет представляет собой интересный контраст, поскольку на протяжении большей части своей истории ему удавалось полностью избегать развития процентных долгов.

Как и Месопотамия, Египет был чрезвычайно богат по меркам Древности, но он представлял собой еще и замкнутое общество, которое располагалось на берегах реки, текущей среди пустыни, и было намного более централизованным, чем Месопотамия. Фараон был богом, а государство и храмовая бюрократия контролировали всё, собирая невероятное число налогов и постоянно распределяя ассигнования, зарплаты и платежи. Здесь деньги также возникли как средство учета. Базовой единицей был «дебен», или «мера», — изначально он применялся для учета зерна, а затем меди или серебра. Редкие записи показывают непоследовательный характер большинства сделок:

“ На 15-м году правления Рамсеса II [около 1275 года до н. э.] купец предложил египетской даме Эренофре купить сирийскую рабыню, цена которой, несомненно установленная в результате торга, составляла 4 дебена 1 ките [около 373 грамм] серебра. Эренофре собрала тканей и одеял стоимостью 2 дебена 2 $\frac{1}{3}$ ките — детали указаны в записи — и затем одолжила разные предметы у своих соседей — бронзовые сосуды, горшок меда, десять рубашек, десять дебенов медных слитков, — пока не набралась необходимая сумма[456].

Большинство купцов странствовали, будучи чужеземцами или торговыми агентами на службе у крупных землевладельцев. Однако данных о торговом кредите нет; займы в Египте по-прежнему чаще облекались в форму взаимопомощи между соседями[457].

В принципе, есть сведения о юридически законных ссудах, то есть тех, которые могли привести к потере земли или членов семьи, однако, по-видимому, они встречались нечасто

и, будучи беспроцентными, были не столь губительны. Иногда мы слышим и о людях, попавших в долговую кабалу, и даже о долговых рабах, но это было необычным явлением, и нет данных о том, что дело когда-либо доходило до кризисов, регулярно случавшихся в Месопотамии и Леванте[458].

Действительно, в первые тысячелетия мы словно попадаем в иной мир, где долг на самом деле был связан с «виной» и зачастую считался преступлением:

“ Когда должнику не удавалось выплатить долг вовремя, кредитор мог вызвать его в суд, где от должника требовали пообещать полностью вернуть долг к определенной дате. Частью этого обещания, которое давалось под присягой, было согласие должника получить 100 ударов и/или выплатить двойную сумму изначальной ссуды, если он не выплачивал долг к условленному сроку[459].

Это «и/или» показательно. Формального различия между штрафом и битьем палками не было. На самом деле главная цель присяги (как и критского обычая заставлять заемщика выхватывать деньги), видимо, состояла в том, чтобы оправдать карательные меры: так должник мог быть наказан как клятвoprеступник или как вор[460].

Во времена Нового царства (1550–1070) сведений о рынках становится больше, но лишь с наступлением железного века, незадолго до завоевания Египта Персидской империей, мы обнаруживаем долговые кризисы, подобные месопотамским. Греческие источники, например, упоминают, что фараон Бокхорис (правил в 720–715 годах до н. э.) издал указ об уничтожении долговой кабалы и списании всех невыплаченных долгов, поскольку «считал, что будет нелепым, если солдата, отправляющегося в поход сражаться за свою родину, бросает в тюрьму кредитор, которому он не выплатил ссуду», — если это так, то здесь мы сталкиваемся с одним из первых упоминаний долговых тюрем[461]. При Птолемах, греческой династии, правившей в Египте после завоеваний Александра Македонского, списание долгов стало проводиться регулярно. Хорошо известно, что Розеттский камень, написанный на греческом и египетском языках, дал ключ к расшифровке египетских иероглифов. Но мало кто знает, о чем идет речь в этих надписях. Изначально стела была воздвигнута в ознаменование амнистии, провозглашенной Птолемеем V в 196 году до н. э. и распространявшейся как на должников, так и на заключенных[462].

Китай (2200–771 годы до н. э.)

Мы почти ничего не можем сказать об Индии бронзового века, поскольку письменные источники остаются нерасшифрованными; немногим больше мы знаем и о ранних стадиях истории Китая. Немногие известные нам данные, собранные в основном по крохам из позднейших источников, показывают, что ранние китайские государства были куда менее бюрократизированными, чем их западные аналоги[463]. Так как здесь не было централизованных храмовых или дворцовых систем, в которых священники и управленцы обустроивали склады и вели записи доходов и расходов, то не было и необходимости в

создании общей единицы учета. Напротив, данные показывают, что в Китае пошли по другому пути: социальные деньги разного вида продолжали господствовать в сельской местности и использовались в коммерческих целях при заключении сделок с иностранцами.

Более поздние источники указывают, что ранние правители «использовали жемчуг и нефрит как наивысшую форму платежа, золото — как среднюю форму, а ножи и лопаты — как низшую»[464]. Речь идет, скорее всего, о подарках, причем иерархических: цари и крупные магнаты награждали своих сторонников за услуги, которые те, в теории, предоставляли добровольно. В большинстве мест широко использовались длинные связки раковин каури, но даже в этом случае, хотя мы часто слышим «об использовании каури в качестве денег в раннем Китае» и довольно просто найти тексты, где именно в них измеряется стоимость великолепных подарков, никогда не бывает ясно, действительно ли люди носили их с собой, чтобы продавать и покупать вещи на рынке[465].

Наиболее вероятное объяснение состоит в том, что они носили с собой раковины, но на протяжении долгого времени сами рынки имели меньшее значение, поэтому использование каури в качестве бытового платежного средства не было таким важным, как применение в социальных целях — для поднесения подарков на свадьбах, уплаты штрафов и пеней и в виде символов почета[466]. Так или иначе, все источники утверждают, что в обращении находились самые разные виды денег. Как отмечает Дэвид Шейдел, один из ведущих современных исследователей древних денег:

“ В доимперском Китае деньги облекались в форму раковин каури (как оригинальных, так и — во всё возрастающих масштабах — в виде бронзовых копий), черепаших панцирей, золотых и (реже) серебряных слитков определенного веса и — что особо стоит отметить, по меньшей мере начиная с 1000 года до н. э. — в форму утвари вроде бронзовых клинков лопат и ножей[467].

Чаще всего они использовались людьми, которые знали друг друга не очень хорошо. Для учета долгов между соседями, перед местными торговцами или для каких-либо выплат правительству люди прибегали к различным кредитным инструментам: более поздние китайские историки утверждали, что самыми первыми из них были связанные веревки, похожие на инкскую систему «кипу», а затем стали применяться деревянные или бамбуковые полоски с метками[468]. Как и в Месопотамии, всё это возникло задолго до появления письменности.

Мы точно не знаем, когда практика предоставления процентных ссуд впервые появилась в Китае или имели ли место в Китае бронзового века долговые кризисы того же типа, что и в Месопотамии, но в позднейших документах есть очень любопытные косвенные упоминания об этом[469]. Например, более поздние китайские легенды о происхождении чеканки монет приписывали ее изобретение императорам, пытавшимся смягчить последствия стихийных бедствий. Один текст начала ханьской эпохи рассказывает:

В древние времена, во времена наводнений Ю и засух Тан, простолюдины оказывались настолько истощены, что им приходилось занимать друг у друга, чтобы получить еду и одежду. [Император] Ю чеканил монеты для своих людей из золота с горы Ли, а [император] Тан изготавливал их из меди с горы Ян. Поэтому мир назвал их милостивыми[470].

Другие версии говорят об этом более откровенно. Сборник Гуань-цзы, который в раннем имперском Китае стал стандартным учебником по политической экономии, отмечает, что «были люди, у которых не было даже жидкой каши и которые были вынуждены продавать своих детей. Для спасения этих людей Тан стал чеканить деньги»[471].

Эта история явно фантастическая (на самом деле чеканить деньги стали по меньшей мере на тысячу лет позже), и очень трудно понять, как ее интерпретировать. Может, она отражает память о детях, которых забирали в качестве обеспечения долга? На первый взгляд, более правдоподобной кажется версия о том, что голодающие люди напрямую продавали своих детей, — позже эта практика станет обычной в определенные периоды китайской истории[472]. Однако сочетание займов и продажи детей заставляет задуматься, особенно если учесть то, что происходило на другом краю Азии ровно в это же время. Далее Гуань-цзы объясняет, что эти же самые правители установили обычай, согласно которому 30 % урожая передавалось в общественные амбары для распределения в чрезвычайных ситуациях, чтобы такое никогда больше не повторилось. Иными словами, они начали вводить точно такие же бюрократические механизмы для хранения товаров, как и в Египте и Месопотамии, и создали деньги как единицу учета.

Версия #1

Зверобой создал 26 июня 2025 23:20:03

Зверобой обновил 26 июня 2025 23:23:37